

Эклессия Эклессия

Красная нить судьбы Вана У'чи

Эклессия Эклессия

Красная нить судьбы Вана У'чи

«Автор»

2026

Эклессия Э.

Красная нить судьбы Вана У'чи / Э. Эклессия — «Автор», 2026

Судьба избирает горшечника Ван У'чи для выполнения особой миссии и восстановления баланса в мире. Ведь величайшая сила скрывается в самых простых руках - в тех, что лепят чаши и кувшины, в тех, что знают цену тишине и труду.

© Эклессия Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	6
Глава 3	7
Глава 4	8
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Эклессия Эклессия

Красная нить судьбы Вана У'чи

Глава1

Взгляд сквозь тайну

Жил-был Ван У'Чи, горшечник. Его день начинался с восхода солнца, когда роса блестела на траве, а воздух пах влажной глиной. Зайдя в мастерскую, где стены источали аромат древесного дыма и обожженной керамики, он потирал ладони о фартук, произносил своё любимое «пора за дело» и принимался за работу. Глина под его пальцами оживала: прохладная и податливая, она послушно принимала форму под мерное вращение круга. Пальцы помнили каждое движение — изгиб края, толщину стенок, глубину рельефа. В такт работе слышалось тихое пение или шепот: сколько кувшинов успеть до вечера, какие узоры ждут заказчики, хватит ли глазури на миски. Время летело незаметно. Солнце перемещалось по небу, тень от окна скользила по полу, а на верстаке появлялись ряды горшков — еще сырых, но уже обретших форму. Перерыв: краюха хлеба, кусок сыра, глоток воды. И снова — глина, круг, привычный ритм. К закату мастерская наполнялась мягким оранжевым светом. Готовые изделия стояли на полках, ожидая обжига. Ван вытирал руки, оглядывал плоды дня — не только посуду, но и частицу себя в каждой линии. Усталость была, но и тихая гордость: еще одно творение. Он подошёл к раковине, чтобы отмыть руки. Вдруг с боковой полки с грохотом упал маленький кувшин для мыла. Осколки разлетелись по полу. Один из них, крупнее остальных, упал внутрь раковины. Ван наклонился, чтобы достать его, и тут она наполнилась водой до краёв. На поверхности водяной глади он увидел отражение изящной девушки в кимоно. Она выглядела загадочно, как призрак из старинного сада. Зеленая ткань напоминала мох на камнях, а узор из бамбуковых стеблей оживал в определённом свете. Тонкие пальцы выглядывали из широких рукавов, а изгиб хрупкой шеи казался особенно изящным. В этом образе было что-то вневременное, словно эпоха Эдо на мгновение замерла. Сердце Вана забилося чаще. Он затаил дыхание, боясь спугнуть видение. Девушка не шевелилась, но в её глазах, глубоких, как горные озера, читалась целая история — древняя и таинственная. Казалось, она вот-вот заговорит, раскроет какую-то великую тайну, спрятанную в веках. Ван встряхнул головой, моргнул глазами, посмотрел ещё раз — но девушки уже не было. Вода в раковине медленно уходила, оставляя после себя лишь капли, мерцающие, как утренняя роса. Осколок кувшина лежал на дне, безобидный и обычный. «Показалось или нет?» — стал гадать он. Тишина мастерской вдруг показалась ему оглушительной. Ван огляделся: горшки на полках будто смотрели на него, ожидая ответа. Он провёл рукой по лицу, пытаясь прийти в себя. Но где-то глубоко внутри зародилось странное чувство — будто этот миг был не случайностью, а началом чего-то большего. Он медленно поднял осколок, повертел его в руках. Тот казался чуть теплее, чем должен был. Ван усмехнулся про себя, но улыбка вышла нервной. «Завтра будет новый день, — подумал он. — А сегодня... сегодня я просто устал». Но когда он погасил лампу и вышел во двор, последний луч заката скользнул по стене мастерской, на мгновение вырисовывая силуэт девушки в кимоно — словно напоминание: мир полон тайн, и некоторые из них ждут, чтобы их открыли.

Глава 2

Лавка между мирами

Ван Учи бодро шагал по сонным улицам, размышляя о предстоящей работе. Сегодня нужно успеть расписать блюдо для заказчика, а для этого нужна тушь. Воздух был свеж, тени от домов — длинные и чёткие, словно нарисованные кистью самого искусного мастера. По пути он кивнул знакомым: булочнику, который выставлял горячие пирожки с золотистой корочкой, и старушке Ли, поливавшей цветы в деревянных кадках у крыльца. Добравшись до лавки красок, Ван Учи уловил странный запах — не привычный аромат сухих пигментов, а терпкий и незнакомый, будто что-то неведомое пропитало воздух. У дверей он заметил приоткрытую створку и услышал шорох внутри. Сердце Вана тревожно сжалось — вдруг похитили редкие пигменты? Войдя в лавку, он увидел соседского кота. Тот выскочил из-за угла, распушил хвост, как облако перед грозой, и прыгнул на полку с красками. Баночка ярко-алой туши упала на новый халат горшечника, оставив пятно, похожее на цветок диковинного растения. — Ох, не к добру это, — вздохнул Ван Учи, разглядывая пятно. — Заказчик подумает, что я решил добавить в роспись кошачьего вдохновения. . . Он огляделся и не узнал лавку. Скромное место преобразилось: витрины сверкали радужными бликами, будто в каждой банке краски таилось собственное солнце. Стены были украшены отблесками палитры — здесь мерцала лазурь горных озёр, там теплился пурпур закатов, а в углу дрожали изумрудные искры леса. Воздух наполнился ароматом льняного масла и свежей охры, сладким, как воспоминания о детстве. Свет пробивался сквозь витражное стекло, окрашивая деревянный пол в цвета сказочной карты. За прилавком стоял дядюшка Чжоу. — А, горшечник Учи! — его голос прозвучал гулко, словно из глубины колодца. — Я приберёг для тебя тот самый оттенок чёрной туши — глубокий, как ночное небо. Ни одна роспись не сравнится с ним! Но хозяин лавки выглядел необычно: кожа была белой, как мел, глаза горели странным огнём, а улыбка превратилась в оскал, обнажая зубы. Ван Учи почувствовал тревогу. «Что со мной происходит? Может, я заболел?» — мелькнуло в голове. Продавец приблизился и достал из рукава кисть. Она была настолько красива, что мастер забыл о его внешности: бамбуковая ручка, отполированная до блеска, волоски — тонкие, упругие, отливающие серебром, словно сплетённые из лунных нитей. — О, как она прекрасна! — выдохнул Ван Учи. — Я бы хотел купить её. Сколько она стоит? Вместо ответа продавец произнёс, и голос его эхом отозвался в голове мастера: — Он тебя выбрал. Или ты его. Бери её даром. Эта кисть лнёт только к достойному писцу. В следующий миг дядюшка Чжоу исчез, растворившись в тени, а в магазине стало темно — лишь кисть в руке Ван Учи слабо мерцала, как светлячок. Он взял с полки ещё одну баночку туши, не заплатив за неё, хотя понимал, что брать чужое — это табу, древний запрет, нарушив который, можно потерять не только репутацию, но и душу. Выйдя на улицу, Ван Учи провёл рукой по алому пятну на халате. Оно показалось ему тёплым, почти живым. Решив, что от переутомления нужно немного разгрузиться, горшечник поправил сумку с кистью и тушью и направился к дому. Внутри зрело предчувствие: эта кисть изменит всё.

Глава 3

Кисть и таинственное содержимое

Устроив себе выходной, Ван шёл по узкой улочке, вдыхая аромат свежеиспеченных лепешек, доносившийся из ближайшей лавки. В кармане приятно оттягивали монеты — вчерашний вечер выдался удачным: несколько заказов от местных жителей принесли не только доход, но и признание. Он уже представлял, как вернётся в мастерскую, разложит краски и возьмёт в руки кисть — ту самую, подаренную всего пару дней назад дядюшкой Чжоу, торговцем красками и тушью. Подойдя к лавке с лепёшками, Ван потянулся за монетами — и в этот момент из кармана что-то звонко упало на булыжную мостовую. Он вздрогнул от неожиданности, звук эхом отозвался в тишине пустынной улочки. Ван опустил взгляд на землю: там, переливаясь в лучах солнца, лежала его кисть. Тонкая бамбуковая ручка, аккуратно подстриженный ворс — казалось, она излучала едва заметное сияние, будто впитала в себя последние лучи дня. Горшечник осторожно поднял её, провёл пальцем по резным узорам на ручке — линии были выгравированы с удивительной точностью, напоминая завитки облаков и изгибы горных рек. И вдруг перед его глазами вспыхнули образы, словно кто-то открыл дверь в прошлое. Он увидел тот самый день, когда торговец красками с неестественной улыбкой вручил ему эту кисть. Внутри прозвучал голос: «Попробуй работать с ней. Она создана для тонких линий и плавных переходов. Я верю, что ты раскроешь её потенциал». Еще раз внимательно рассмотрев резные узоры на бамбуке, ощутив мягкость ворса, он мечтательно представил, какие картины он создаст с её помощью. Затем показалось видение: вот он впервые берёт эту кисть в руки в своей мастерской. Солнечный луч падает на стол, освещая палитру с красками. Ван делает первый мазок — неуверенно, осторожно, боясь испортить инструмент. Но кисть слушается его, скользит плавно, точно передавая замысел. Он чувствует, как напряжение покидает тело, а душа наполняется покоем. Каждый мазок — словно шаг вперёд, к новому уровню мастерства. Ещё мгновение — и перед глазами возникает картина вчерашнего дня: Ван заканчивает роспись большой вазы для старейшины деревни. Он использует именно эту кисть для прорисовки мелких деталей — лепестков пиона и крыльев бабочки. Старейшина восхищённо качает головой: «Талант! Видно, что инструмент достойный, а руки мастера — ещё достойнее». Гордость и радость переполняют Вана — он понимает, что подарок дядюшки Чжоу уже принёс свои плоды. Видения начали меркнуть, растворяясь в закатном свете. Ван моргнул, возвращаясь в реальность. Кисть всё ещё лежала в его ладони, тёплая и чуть шероховатая на ощупь. Он бережно спрятал её в карман, рядом с монетами, и улыбнулся. Теперь он точно знал: сегодня он вернётся в мастерскую не просто для того, чтобы рисовать — он вернётся, чтобы продолжить историю, начатую совсем недавно, но уже ставшую такой важной. Аромат лепёшек всё ещё витал в воздухе, но Ван уже не думал о еде. Его мысли были заняты новыми эскизами, а душа — предвкушением встречи с чистым холстом. Он сделал шаг вперёд, но вдруг замер. Из-за угла лавки донёсся тихий, но отчётливый звук шагов — кто-то шёл следом. Ван обернулся, вглядываясь в сгущающиеся сумерки. Улица была пуста, лишь ветер гонял сухие листья вдоль мостовой. Но ощущение чужого взгляда, тяжёлого и пристального, не исчезало. Он невольно сжал кисть в кармане, чувствуя, как спокойное предвкушение сменяется тревожным напряжением. Что-то подсказывало ему: этот день ещё не закончился, и впереди его ждут испытания, которых он не ждал.

Глава 4

Сон иной эпохи

Придя домой и сев за стол, он достал кисть. Провёл пальцем по резным узорам на ручке — и перед его глазами снова вспыхнули образы, словно кто-то открыл дверь в прошлое. Он увидел художника в просторной студии эпохи Эдо. Тот склонился над свитком, кисть в его руке порхала, создавая удивительные пейзажи, полные света и гармонии. Рядом, в изящном кимоно с узором цветущей сакуры, стояла девушка. Её глаза светились восхищением, а улыбка казалась искренней — настолько, что сердце сжималось от красоты этого мгновения. Но картина сменилась. Ван увидел ту же девушку, склонившуюся над чашей с чаем. Её движения были плавными, почти ритуальными. Едва заметное движение — и что-то тёмное растворилось в жидкости, бесшумно, как тень. Она стояла у низкого столика в полутени бамбуковой ширмы, и её силуэт мягко вырисовывался на фоне закатного света. Движения были отточенными, почти ритуальными — будто она исполняла древний обряд, а не подавала чай любимому человеку. Художник сделал глоток, улыбнулся ей... В его улыбке не было ни тени подозрения — только доверие, безграничное и чистое. А через несколько дней его не стало. После картинка сменилась, эта же девушка облачённая уже в более дорогие одежды, шла рядом с младшим братом того художника. Они направлялись к мастерской — теперь она принадлежала им. Брат, слабый духом и лишённый таланта, не смог сохранить наследие династии, и вскоре мастерская пришла в упадок. Кисть, что сейчас лежала в руках Вана, была не простой. Она была наделена вот какими свойствами — семейная реликвия, передававшаяся из поколения в поколение только старшему сыну в семье. В ней был заперт дух мастера — дух, полный боли и горечи предательства. Он ждал того, кто сможет восстановить справедливость, кто вернёт искусству его былое величие и отомстит за поруганную честь. И он выбрал Ван У'Чи — простого горшечника с широкой душой и большим сердцем. Ван почувствовал, как древняя сила струится по его венам, обжигая, словно расплавленный металл. Кисть в его руке слегка дрожала, будто пытаясь что-то сказать — то ли шепталась с памятью прошлого, то ли взывала к возмездию. Он понял: это не просто инструмент для рисования. Это ключ к возрождению забытого искусства, к восстановлению чести династии и к тому, чтобы дать духу мастера долгожданный покой. Теперь его путь имел куда более глубокий смысл. Ван знал: с этого момента его жизнь изменится навсегда. В его руках — не только кисть, но и груз чужой трагедии, и долг перед тем, кто был предан самым подлым образом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.